

Никитин О. В. «Грустно, что лакеи имеют силу...» (неизвестные письма из архива Б. В. Томашевского) / О. В. Никитин // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 57—72. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-57-72.

Nikitin, O. V. (2021). "It is Sad that Lackeys Have Power..." (Unknown Letters from the Archive of B. V. Tomashevsky). *Nauchnyi dialog*, 8: 57-72. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-57-72. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-57-72

**«Грустно, что лакеи
имеют силу...»
(неизвестные
письма из архива
Б. В. Томашевского)**

Никитин Олег Викторович
orcid.org/0000-0003-2815-6691
Scopus AuthorID 57209316536
доктор филологических наук,
профессор
кафедры русского языка
olnikitin@yandex.ru

Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

**“It is Sad that Lackeys
Have Power...” (Unknown
Letters from the Archive
of B. V. Tomashevsky)**

Oleg V. Nikitin
orcid.org/0000-0003-2815-6691
Scopus AuthorID 57209316536
Doctor of Philology, Professor
Department of the Russian Language
olnikitin@yandex.ru

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

© Никитин О. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению эпистолярного наследия легендарного филолога XX века — профессора Бориса Викторовича Томашевского (1890—1957) и его связей с ведущими учеными в контексте историко-литературной, лингвистической и идеологической полемики преимущественно 1930—1950-х годов. В работе подчеркивается вклад ученого в развитие мировой науки в эпоху культурных потрясений. Особое внимание уделено публикациям неизвестных посланий к Б. В. Томашевскому отечественных и зарубежных филологов: И. Л. Андроникова, Г. О. Винокура, Д. С. Лихачева, А. А. Реформатского, Б. Унбегауна, М. Фасмера, Р. О. Якобсона. Обнародованные письма характеризуют состояние науки тех лет: показывают сложности в работе над изданием «Полного собрания сочинений» Пушкина, открывают полемику вокруг спорных вопросов теории и практики текста, выражают отношение корреспондентов к фактам идеологического давления на филологию, описывают трудности военного времени и др. Эпистолярный Б. В. Томашевского рассматривается также в контексте роли советской языковой личности в формировании научной традиции. Актуальность исследования обусловлена использованием архивных материалов в парадигме гуманитарного знания для выяснения малоизученных фактов в летописи филологии 1930—1950-х годов.

Ключевые слова:

Б. В. Томашевский; Пушкин; филологическая полемика; идеология в науке; текстология; переписка; искусство слова; языковая личность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the epistolary heritage of the legendary philologist of the XX century — Professor Boris Viktorovich Tomashevsky (1890—1957) and his relations with the leading scientists in the context of historical, literary, linguistic and ideological polemics mainly of the 1930s and 1950s. The paper emphasizes the contribution of the scientist to the development of world science in the era of cultural upheavals. Special attention is paid to the publications of unknown epistles to B. V. Tomashevsky by domestic and foreign philologists: I. L. Andronikov, G. O. Vinokur, D. S. Likhachev, A. A. Reformatsky, B. Unbegaun, M. Vasmer, R. O. Jakobson. The published letters describe the situation in science of that period: they show the difficulties in working on the publication of Pushkin's "Complete Works", reveal the polemics around controversial issues of the theory and practice of the text, express the attitude of correspondents to the facts of ideological pressing on science, describe the difficulties of wartime, etc. B. V. Tomashevsky's epistolary is also considered in the context of the role of Soviet linguistic personality in creating scientific tradition. The relevance of the study is due to the use of archival materials in the paradigm of the humanities to clarify poorly studied facts of the 1930s and 1950s.

Key words:

B. V. Tomashevsky; Pushkin; philological polemics; ideology in science; textual studies; correspondence; the art of word; the language individuality.

«Грустно, что лакеи имеют силу...» (неизвестные письма из архива Б. В. Томашевского)

© Никитин О. В., 2021

1. Введение

Профессор Борис Викторович Томашевский (1890—1957) — самобытный ученый из плеяды филологов Серебряного века, исключительно одаренный, фантастически трудолюбивый, с высоким нравственным стержнем и твердой верой в предназначение филологии. Мыслитель, тонкий текстолог и самозабвенный исследователь рукописей, книговед, знаток мировой стихотворной традиции, литературный критик и теоретик, крупный специалист по стилистике и французской поэзии, историк культуры, переводчик и педагог. Мы знаем о нем многое, и прежде всего в пантеон науки вошли его классические книги по пушкинистике и поэтике (см.: [Томашевский, 1925; Томашевский, 1928; Томашевский, 1929; Томашевский, 1956; Томашевский, 1961] и др.). Равновеликого мастера, так глубоко и пронзительно чувствовавшего эпоху XIX века, ее культурно-исторические события, эстетику, философию и тексты (будь то русские или иностранные), едва ли можно было найти и в то время, когда научные искания Бориса Викторовича были на подъеме. Имя Б. В. Томашевского с почтением приносили не только ученые его ближнего круга, но и великие творцы высокого искусства слова, такие, как А. А. Ахматова, назвавшая его в 1958 году «учителем и другом», а память о нем — «священной» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 35, № 25, л. 1].

Известный литературовед Б. М. Эйхенбаум на заседании Учёного совета Пушкинского дома, посвящённом памяти Б. В. Томашевского, не выдерживая регламента академического выступления, прорвал своей речью формализм некрологов и выразил главное достоинство почившего коллеги — *власть ума*: «Мне кажется, что в нём было много противоречий не только психологических, но противоречий как учёного. Со стороны он производил впечатление человека очень уверенного. Но на самом деле нет! Он охотно сражался и умел сражаться. <...> Он был дерзок, но не от самоуверенности. У него было много врагов. Его многие боялись, хотя никакой власти у него не было, кроме одной (правда, большой) — власти ума» (цит. по изд.: [Борис ..., 1991, с. 31]).

Мир Томашевского гораздо шире и глубже его печатных прозрений. Свои сокровенные мысли по поводу общественных потрясений в мире филологии

1920—1950-х годов он излагал в письмах к друзьям и близким коллегам и открывался в них совсем с другой стороны — как неистовый борец за Пушкина и высокие научные ценности, за исторический подход к анализу текстов и эпохи времени великого поэта, нередко выступал против конъюнктуры и правофланговых идей советской идеологии. Он всегда оставался независимым от внешнего воздействия и был верен классическим традициям русской филологии.

Рукописное наследие Б. В. Томашевского, при всем внимании к нему академических исследователей, до сих пор недостаточно изучено и представлено в научных публикациях. Поэтому целью настоящей работы является погружение читателя в мир духовных исканий Б. В. Томашевского. Каждое вновь открытое письмо фиксирует неизвестное нам событие не только из биографии ученого, но и из истории филологии. В этой науке он, бесспорно, был одним из последних энциклопедистов-классиков, признанных как в нашей стране, так и за рубежом. Так, Р. О. Якобсон в телеграмме-некрологе, посланной в Институт русской литературы, справедливо назвал Бориса Викторовича «мировым ученым» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 42, № 26, л. 5].

2. Искусство слова и портрет эпохи в переписке друзей Б. В. Томашевского

Есть и другая сторона эпистолярия, которая всегда отличала филологов прошлого: их общение часто носило интимный характер и было очень откровенным. Поэтому сквозь строки в таких письмах рельефно выступает облик ученого — его языковая личность. Вот, например, что сообщал И. Л. Андроников Томашевским 11 августа 1935 года:

«Ленинград, с которым я, к удивлению расстался в целом без труда [,] ценен мне несколькими людьми (не знаю, можно ли так сказать) [,] и среди этих немногих лиц я всегда вспоминаю вас и очень жалею, что вы не в Москве. Мне даже больше хочется, чтобы вы были москвичами, чем ленинградцами. <...>

Вы, наверно, помните, Ирина Николаевна, что Вы говорили мне о том, как мне надо измениться для того, чтобы какая-нибудь девушка вышла за меня замуж. Я поступил иначе: сперва девушка вышла за меня замуж, а потом я изменился» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 35, № 13, лл. 2—2 об. Автограф].

Например, в общении с А. А. Реформатским (1900—1979), известным словотворцем и оригинальным ученым, уровень взаимопонимания мог достигать почти совершенной высоты и красоты художественной игры, когда один из героев позволял себе без стеснения выражать эмоции в необычной форме шуточного стихотворения, посвященного «дорогим Борвику и Ирине на память о Москве». Начиналось оно так:

Как он жирён — тот кот пивной,
Фальшивый, полосатый.
Распластанный передо мной,
Когда я был богатый. <...>

[ОР РГБ, ф. 645. Картон 38, № 60, л. 1. Автограф. 29 января 1948 года].

В их переписке проступали яркие эпизоды научной жизни конца 1940-х годов, когда, находясь под гнетом официальной идеологии, многие ученые вынуждены были говорить и часто писать одно, а думать — другое. Эти откровения А. А. Реформатского другу по филологическому ремеслу говорят об обоюдном доверии ученых, их понимании абсурдности ситуации и ироническом отношении к ней: «Мучительно читаю четверокурсникам основы сравнительного метода под флагом “Ст<алинского> уч<ения> о яз<ыке>”. Им трудно, а мне некогда. Вообще, я слегка рехнулся, но в добрую сторону: стал искренним, простым, честным. К чему бы это?» [Там же, л. 5. Автограф. 5 ноября 1950 года].

Эпистолярные россыпи, частью еще никем не описанные, дают подлинную картину научных баталий в то время — не хрестоматийные, по учебникам, знания, а рассказывают от первого лица насыщенные волнениями и порой интеллектуальными страданиями историю советской филологии без глянца. Приведем еще один фрагмент письма А. А. Реформатского Б. В. Томашевскому (без указания даты, предположительно конец 1940-х годов):

«Мой ближайший сотрудник по литературному институту Виктор Левин (ученик Г. О. [Винокура], ДН [Ушакова], Р. Ив. [Аванесова], П. Савв. [Кузнецова] и мой), умница и талант + благородное сердце за «защиту Виноградова и Реформатского» и др. (навет из Иванова) был изгнан. У меня ½ кафедры! На меня “жмуть”! Грозят повесить. <...>

Последнее: на концерте Рихтера встречаюсь с ВВВ (имеется в виду В. В. Виноградов. — *О. Н.*) — он весел! Знакомит с каким-то доктором. “Вот — говорит — полечился у него. Он у Корнелия Зелинского”. Я (в ответ): “К. З<елинск>ого лечить просто: дать яду и всё... А нам трудно; Ваш друг лёгочник, а нам надо лечиться от сердечных болезней — мы больны сердюченцией”» [Там же, л. 20. Автограф].

В этом письме в аллегорической форме обыгрывается взрывная ситуация в науке конца 1940-х годов, связанная с походом против «космополитов», «низкопоклонников перед Западом», очередным витком притеснений историков языка и компаративистов. Так, судя по письму А. А. Реформатского, его ученик В. Д. Левин был уволен из Литературного института. Началась новая волна гонений на академика В. В. Виноградова, промарровская критика обрушилась на его книгу «Русский язык» (1947). «Сер-

дюченцией» здесь метафорически названо целое «направление» в общественной жизни, возглавлявшееся последователем академика Н. Я. Марра Г. П. Сердюченко, известным своими разгромными статьями и выступлениями. В письме упоминается и другая одиозная фигура советского литературоведа и критика К. Л. Зелинского, участвовавшего позднее в травле Б. Л. Пастернака.

Эти испытания в той или иной мере коснулись многих честных филологов, отстраненных от должностей, запрещенных в преподавании, сосланных на другие ставки и уволенных — отвергнутых властью за твердость духа и интеллигентски мягкое сопротивление надвигавшейся тьме.

Первый том монументального исследования Б. В. Томашевского «Пушкин» (1956) А. А. Реформатский воспринял восторженно и, не скупясь на похвалу, назвал «памятником нерукотворным». И добавил сразу же: «И через сколько унижений, ослов и в преодоление глупых слов!» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 38, № 60, л. 23. Автограф. 8 октября 1956 года]. Такая неполированная наука выступала со страниц многих писем Б. В. Томашевского и к нему.

Стиль их общения тоже необычен. А. А. Реформатский был признанным мастером словесной эквилибристики: придумывал шутки и экспромты буквально на ходу, пародировал, ёрничал, выворачивал наружу свои чувства, зная, что перед ним такой же своеобразный мастер, озаренный красотой языков творчества. Обращения А. А. Реформатского к Б. В. Томашевскому и финальные «рескрипты» первого стилистически изысканны и просто неповторимы: «Дорогой Борвик!», «Чудесный Борис Викторович!» [Там же, л. 4], «Ваш испытанный скептик и глубочайший пессимист Р. Йикстампрофер» [Там же, л. 12 об.], «Преданный Вам *serviteur* (из франц. *слуга*. — О. Н.) и раб Ваш Олексашка» [Там же, л. 14]. Одно из писем А. А. Реформатского Б. В. Томашевскому начиналось такими словами: «Дорогие отшельники, эрмитажники то ж! Что ж вы сокрылись? Смолкли?» [Там же, л. 20].

Близким другом четы Томашевских был крупный московский филолог Г. О. Винокур (1896—1947), с которым Бориса Викторовича связывали тесные научные и человеческие отношения. Они оба были борцы за науку и часто страдали от притеснений. Особенно это было заметно при подготовке академического собрания сочинений А. С. Пушкина в 1930-е годы. Фрагменты их переписки, опубликованные нами ранее, говорят о сложной атмосфере тех лет в кругу так называемых *пушкинистов* (кстати, Б. В. Томашевский не любил этого слова, быть может, из-за недоверия или даже презрения к нему со стороны властных структур, боявшихся независимости и твердости суждения ученого, его силы слова). «Проклятые и мерзкие пушкинистические дела! — писал Г. О. Винокур коллеге предположительно в 1935—1936 годах. — Вы меня, Б. В., не так поняли. Я не уговаривал Вас итти (так в руко-

писи. — *О. Н.*) в лавочку холоуев. Мне только было досадно, что холоуи портят Вам настроение и что вся эта мерзость нарушает Ваше душевное спокойствие. <...> Не знаю, согласитесь ли Вы со мною, но я придаю гораздо большее значение не количеству томов, которые Вам будут отведены, но просто Вашему участию в руководстве (в оригинале подчеркнуто автором. — *О. Н.*) изданием, <отому> <то> остальные руководители никакого доверия с точки зрения высших требований дела не внушают» [Никитин, 2019, с. 7].

Проблемы поэтики и политики в науке обсуждались и в других письмах двух филологов, влюбленных в гения русской словесности. И снова настроение друзей менялось, проступали нотки сожаления и боли, когда речь заходила о «производственных» сложностях в работе, о том, что было закрыто от читателей Пушкина. Эти терзания их преследовали каждый раз, буквально разрывали на части при столкновении с конъюнктурщиками в науке и ее умелыми дельцами. Приведем фрагмент письма Г. О. Винокура Б. В. Томашевскому от 17 ноября 1946 года: «Ваше нежелание взять на себя 14 том очень осложняет дело и создает чрезвычайно тяжелое положение. Я не вижу никого, кто годился бы на это [,] кроме Вас. Из числа Ваших аргументов, вескость которых я не оспариваю вообще, я бы все-таки не настаивал на значении (далее одно слово написано неразборчиво. — *О. Н.*) с 14-м томом, в котором виноваты лакеи. Грустно, что лакеи имеют силу, и с этим необходимо всячески бороться, но ведь они будут только торжествовать, если получат возможность доказывать, что “пушкинисты” сорвали издание» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 35, № 77, л. 15. Автограф].

Или вот такой порывистый сюжет из науки тех лет, показывающий горячий протест ученых против диктата и штамповки мнений. Из письма Г. О. Винокура Б. В. Томашевскому от 15 декабря 1946 года: «Но обнорщину надо каленым железом выжечь — ведь это читают, этому учатся, этому никто подлинно не возражает, — этому верят! Научка! Мне положительно сейчас не хватает красноречия Реформатского!» [Там же, л. 18 об. Автограф].

В их переписке сохраняется тот непревзойденный филологами старой школы почерк научных экспериментов, которые затем вырастали в глубокое исследование и часто пробивали брешь в академических темах и утвержденных свыше планах научной работы. Показательно в русле полемики разных течений такое письмо Г. О. Винокура жене Б. В. Томашевского И. Н. Медведевой (дата не указана, предположительно конец 1930-х — 1940-е годы): «Я задумал книгу в форме “Очерков по истории русского стихотворного языка”, понимая под стихотворным языком не “поэтическую речь” (по-опоязовски), а просто русский язык, употреблявшийся в стихотворной литературе, в его отношении к русскому общенациональному языку, как он рос в XVIII веке» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 35, № 76, л. 6. Автограф].

Публикуемые свидетельства взаимоотношений Б. В. Томашевского с учеными разных школ показывают высокую степень полемичности обсуждаемых проблем, расширяют потенциальное поле филологии, вводят в дискуссионное пространство современной науки неизвестные ранее факты и личные оценки событий глазами их участников. Б. В. Томашевский, обладая феноменальной памятью и исключительными математическими способностями, мог с легкостью шахматиста дать ответ на любую партию в филологических состязаниях. Он жил ими как искатель истины, влюбленный в текст.

3. Б. В. Томашевский в кругу друзей: из переписки 1929—1957 годов

Подборка писем продолжает обозначенную выше проблематику и включает Б. В. Томашевского в круг самых авторитетных советских ученых с мировым именем. Он в числе немногих получил персональное приглашение принять участие в дискуссии на I Международном съезде славистов в Праге в 1929 году.

В письме Д. С. Лихачева обсуждаются лично-бытовые вопросы периода Великой Отечественной войны — трагического события в истории жизни каждого филолога, отлученного от науки и вынужденного искать кров и добывать пропитание. Эти «осколки» памяти показывают мужество в преодолении трудностей и энтузиазм наших ученых, интенсивно работавших над новыми идеями в годы страшных испытаний.

Письмо давнего друга Б. В. Томашевского Р. О. Якобсона относится к тому периоду советской истории, который мы называем «Оттепелью», но духовная связь двух филологов-энциклопедистов не прерывалась никогда. Понятен эмоциональный тон Романа Осиповича, впервые после долгой разлуки с Родиной оказавшегося в СССР в 1956 году по случаю подготовки программы IV Международного съезда славистов (Москва, 1958).

Лаконичный ответ М. Фасмера, еще одного филолога, покинувшего Россию в послереволюционные годы, на книжный подарок Б. В. Томашевского примечателен оценкой первого: «...это одна из самых важных работ о Пушкине» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 41, № 57, л. 1. Автограф].

Заключительные два письма освещают стиховедческие интересы Б. В. Томашевского и английского слависта Б. Унбегауна, великопленного знатока истории русского и славянских языков, тоже «невозвращенца», оказавшегося в рядах Белой гвардии и эмигрировавшего из России в годины красного террора.

Представленные документы полностью публикуются впервые и расположены в хронологическом порядке с соблюдением авторских особенностей орфографии, пунктуации и стилистики.

а) М. Мурко¹ — Б. В. Томашевскому

[ОР РГБ, ф. 645. Картон 36, № 78, л. 1. Машинопись на бланке без подписей].

Проф. д-ру Б. В. Томашевскому
В Праге 24 апреля 1929 г.

I. SJEZD
SLOVANSKÝCH FILOLOGŮ
V PRAZE
Praha V., Břehova 51.
Zkrácená adresa telegr.: «MURKO-PRAHA»
C. telef. 277-5-1.

Многоуважаемый коллега!

Комитет первого съезда славянских филологов² в своей литературно-исторической секции составил ряд проблемов (так в тексте. — *О. Н.*), которые, как полагает, требуют дискуссии. Позволяем себе обратиться Ваше внимание именно на проблему:

«Наука о литературе и языковедение»³.

Краткое введение в дискуссию prepares проф. д-р Матезиус⁴, но мы бы желали, чтобы Вы занялись этой темой и приняли участие в дискуссии. Извольте прислать комитету краткое содержание Ваших предложений, чтобы передать его главному референту.

С искренним уважением за организационный комитет

J. Horák⁵, v. r.
секретарь

M. Weingart⁶, v. r.
кассир

M. Murko, v. r.
председатель

- 1 Мурко Матиаш (1861—1952) — югославский филолог и педагог, иностранный член-корреспондент Академии наук СССР (с 1924 года). Специалист в области компаративистики и славяно-русских связей.
- 2 I Международный съезд славистов проходил в Праге в 1929 году, с 6 по 13 октября. Несмотря на официальное приглашение, Б. В. Томашевский и другие литературоведы и лингвисты из СССР не приняли участия в заседаниях из-за особого отбора участников советской делегации, окончательный состав которой «был намечен Марром» [Робинсон, 2013, с. 81].
- 3 Эта строка набрана разрядкой и подчеркнута в подлиннике.
- 4 Матезиус Вилем (1882—1945) — чешский языковед, основатель Пражского лингвистического кружка (1926).
- 5 Горак Иржи (1884—1975) — чешский фольклорист и литературовед, действительный член Чехословацкой Академии наук (с 1956 года). В 1945—1948 годах был послом Чехословакии в СССР. В момент проведения I Международного съезда славистов в Праге исполнял должность генерального секретаря.
- 6 Вайнгарт Милош (1890—1939) — чешский славист-богемист, литературовед, переводчик и журналист, член Чехословацкой Академии наук, словесности и искусств. В 1927—1939 годах преподавал на философском факультете Карлова университета. Специалист по старославянскому языку и сравнительной филологии.

б) Д. С. Лихачев¹ — Б. В. Томашевскому

[ОР РГБ, ф. 645. Картон 37, № 15, л. 1. Автограф на оборотной стороне² почтовой карточки].

Дорогой Борис Викторович!

Получил письмо от Ник<олая> Ив<ановича> Мордовченко³ из Тобольска. Он работает в Омском пед<агогическом> ин<ститу>те. Препо-
дает всякие литер<атурные> предметы. Там же вместе с ним находятся и
В. В. Виноградов⁴, закончивший только что еще одну книгу!⁵ Н. И. пишет,
что растолстел. А при моем отъезде из Л<енингра>да он был совсем плох:
не стоял на ногах и обличем был ужасен. Он спрашивает о Вас. Поэтому
сообщаю Вам его адрес: Тобольск, Красная 17.

Писал Г. П. Блоку⁶, спрашивал его об адресе Евг. Конст.⁷ и Жир⁸, но от-
вета не получил. Может быть Вам удалось узнать? (Далее три слова жирно
зачеркнуты. — О. Н.). В одной комнате нас 10 человек — 2 семьи. С едой
плохо. С библиотекой плохо (по др<евне>р<усской> лит<ературе> — мало).
Настроение поэтому неважное. Единственный человек, с которым можно
побеседовать [,] — Анна Мих<айловна> Астахова⁹. Над чем Вы работаете?

1 Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906—1999) — советский литературовед, академик АН СССР, заведующий Отделом древнерусской литературы Пушкинского дома. Почетный доктор ряда европейских университетов. Председатель Пушкинской комиссии АН СССР (РАН) и правления Советского (Российского) фонда культуры, Герой Социалистического Труда, лауреат Ордена Андрея Первозванного (№ 1). Специалист по текстологии, истории литературы и культуры, эстетике, мемуарист и общественный деятель.

2 На л. 1 об. того же письма указан адрес получателя: Гоголевский бульвар[,] д. 29, кв. 34а[,] Борису Викторовичу Томашевскому.

3 Мордовченко Николай Иванович (1904—1951) — советский литературовед и историк, член Союза писателей СССР. Специалист по русской критике первой четверти XIX века. Работал в Пушкинском доме, преподавал в ЛИФЛИ и ЛГУ.

4 Виноградов Виктор Владимирович (1894/95—1969) — советский филолог, академик АН СССР, директор Института русского языка АН СССР, главный редактор журнала «Вопросы языкознания». Основоположник научной грамматической школы. После начала Великой Отечественной войны был выслан в Тобольск как неблагонадежный, где преподавал в местном педагогическом институте до июня 1943 года (см.: [Из воспоминаний ..., 2010].

5 В военные годы ученый выпустил две книги: «Величие и мощь русского языка» [Виноградов, 1944] и «Великий русский язык» [Виноградов, 1945].

6 Блок Георгий Петрович (1888—1962) — советский литературовед, писатель, переводчик. Специалист по творчеству А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. А. Фета. Участвовал в издании «Полного собрания сочинений» А. С. Пушкина. Работал в Пушкинском доме, музее Л. Н. Толстого, Архиве Академии наук СССР. Последние годы трудился над изданием «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова.

7 Установить имя затруднительно.

8 Фамилия не дописана. Возможно, имелся в виду известный литературовед В. М. Жирмунский.

9 Астахова Анна Михайловна (1886—1971) — советский филолог и фольклорист. Специалист по изучению народной культуры Русского Севера, преимущественно былинного

Привет большой Ирине Николаевне!
Ваш Д. Лихачев

[Казань]², 11.XII. [19]42

с) Р. О. Якобсон³ — Б. В. Томашевскому

[ОР РГБ, ф. 645. Картон 42, № 26, л. 4. Машинопись на бланке с подписью автора].

Slavic languages
and Literatures

HARVARD UNIVERSITY

10 июля 1956.
Holyoke 29
Cambridge 38, Massachusetts

Дорогой Борис Викторович!

Неделю тому назад тебе была послана отсюда заказной бандеролью пачка моих работ, и одновременно мой гаагский издатель отправил тебе нашу новую книжку об основах речи⁴.

Я очень счастлив, что довелось свидеться⁵, если даже кратки были встречи и так и не удалось потолковать по-настоящему о тех литературоведческих, стиховедческих и прочих вопросах, которые нас с тобой занимают.

Как ни странно, я с каждым днем все более полон своих московских впечатлений. Очень досадно, что не успел побывать в Ленинграде. В начале января мне, по-видимому, предстоит съездить в Прагу на вторую сессию славистов. Так как из Праги в Ленинград — рукой подать, думаешь ли что была бы возможность засвидетельствовать почтение Пушкинскому Дому, прочесть лекцию или что-нибудь в этом роде? Обмозгуй и черкни.

эпоса. Работала в Государственном институте истории искусств, в Пушкинском доме, где заведовала фольклорным архивом. После блокады 1941—1942 годов была эвакуирована в Казань вместе с другими сотрудниками Пушкинского дома.

- 1 Имеется в виду И. Н. Медведева-Томашевская (1903—1973), литературовед, жена Б. В. Томашевского. Она была знакома с А. А. Ахматовой и А. И. Солженицыным. Автор историко-литературных очерков «Таврида: земной Элизий. Екатерина II, Пушкин, Лихачев и другие [Медведева-Томашевская, 2020].
- 2 Город определен по штемпелю «Проверено военной цензурой. Казань 129» и обратному адресу отправителя на л. 1 об.: Казань, ул. Комлева 9, комн. 57. Д. С. Лихачев.
- 3 Якобсон Роман Осипович (1896—1982) — российский и американский филолог, организатор науки. Почетный доктор многих университетов. Президент Лингвистического общества Америки. Долгие годы был профессором Гарвардского университета. Исследователь русского авангарда, стиховедения. Автор трудов по фонологии, славистике, нейролингвистике, семиотике и другим областям гуманитарного знания.
- 4 Имеется в виду книга Р. О. Якобсона и М. Халле «Основы языка» [Jakobson et al., 1956].
- 5 Р. О. Якобсон мог увидеться с Б. В. Томашевским во время приезда в СССР 17—25 мая 1956 года для участия в заседании Международного комитета славистов по подготовке IV Международного съезда славистов в Москве.

Посылай работы свои и друзей. Приветы.

Твой
Роман

д) М. Фасмер¹ — Б. В. Томашевскому
[ОР РГБ, ф. 645. Картон 41, № 57, л. 1. Автограф].

30.10.1956.

Глубокоуважаемый коллега!

Очень Вам благодарен за любезную присылку Вашей прекрасной книги о Пушкине². Будучи очень занят своим словарем³, я еще не успел прочесть ее всю, но и прочитанные главы убедили меня в том, что это одна из самых важных работ о Пушкине. От души желаю Вам успешного ее продолжения⁴.

Искренне преданный Вам

М. Фасмер

е) Б. В. Томашевский — Б. Унбегауну⁵
[ОР РГБ. Ф. 645. Картон 41, № 15, лл. 1—1 об. Машинопись без подписи].

Ленинград, 15 апреля 1957

Глубокоуважаемый Борис Осипович!¹

Разрешите обратиться к Вам с просьбой решить одну пушкиноведческую загадку, связанную с произведениями В. Скотта.

- 1 Фасмер Макс (Максимилиан Романович) (1886—1962) — российский и немецкий лингвист, славист, лексикограф, этимолог. Выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета, ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ и А. А. Шахматова. В 1924 году основал журнал «Zeitschrift für slavische Philologie». Профессор Берлинского университета Фридриха-Вильгельма, Стокгольмского — в Швеции, Свободного — в Западном Берлине. Известен как автор фундаментального «Russisches etymologisches Wörterbuch» (1-е изд.: [Vasmer, 1953—1958]), неоднократно переиздававшегося в русском переводе и с дополнениями О. Н. Трубачева.
- 2 Имеется в виду исследование Б. В. Томашевского «Пушкин. Книга первая (1813—1824)» [Томашевский, 1956].
- 3 Имеется в виду «Russisches etymologisches Wörterbuch» [Vasmer, 1953—1958].
- 4 Продолжение книги «Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837)» издано посмертно [Томашевский, 1961].
- 5 Унбегаун Борис Генрихович (1898—1973) — русский филолог немецкого происхождения. В 1953—1965 годах — профессор сравнительной славянской филологии Оксфорда, основатель ежегодника «Oxford Slavonic Papers». Специалист по истории русского и славянских языков, ономастике, стиховедению. Автор известной книги «Russian Surnames» (1972), переизданной в русском переводе.

<...> Критическая проза в последний раз комментировалась в 9-м томе старого академического изд<ания> соч<инений> Пушкина под ред<акцией> Н. К. Козмина¹. В этом комментарии Козмин ограничивается указанием, что такой сцены в “Вудстоке” нет. Это мне кажется недостаточным. По-видимому, у Пушкина какая-то описка или обмолвка, но я не допускаю мысли, чтобы всё это было фантазией Пушкина. Но разъяснение Козмина до сих пор принимается за абсолютную истину, и никто не искал цитаты, которую хотел выписать Пушкин.

Я сам — очень плохой знаток В. Скотта. Читал его давно и не всего. <...> Между тем Вам решить этот вопрос, вероятно, гораздо проще <...>.

Журнал «Вопросы языкознания» предложил мне написать отзыв о Вашей книге, посвященной русскому стихосложению. Я не отказался, и, если не ошибаюсь, в № 3 этого года должен появиться мой отзыв². Я позволил себе не во всем согласиться с Вами, но возражения мои направлены не столько против Вас, сколько против тех распространенных в литературе взглядов, которые Вы приняли в своей книге <...>.

f) Б. Унбегаун — Б. В. Томашевскому

[ОР РГБ, ф. 645. Картон 41, № 53, лл. 1—1 об. Машинопись с подписью и припиской автора].

25-го апреля 1957

Глубокоуважаемый Борис Викторович,

Искренне благодарю Вас за Ваше письмо, которое я получил сегодня. Я постараюсь выяснить как можно скорее загадку с пушкинским упоминанием Вальтер (такое написание в тексте. — *О. Н.*) Скотта. Конечно, в Оксфорде это сделать легче [,] чем в Москве; все же сейчас я совершенно не могу сказать, сколько времени займет это библиографическое разыскание. <...>

Что бы Вы ни написали о моем труде, уже самый факт, что Вы нашли время и желание выразить о нем свое мнение, является для меня честью. <...>

С искренним приветом

Б. Унбегаун

П. С. Мое отчество «Генрихович»; «О» — инициал моего второго имени /Оттокар/.

Б. У.

1 Имеется в виду книга: Сочинения Пушкина. Том девятый. [Кн.] II: Примечания к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам [Пушкин, 1929].

2 Имеется в виду рецензия Б. В. Томашевского на книгу Б. Унбегауна «Russian versification» [Томашевский, 1957].

4. Заключение

Эпистолярный Б. В. Томашевского интересен с нескольких сторон: 1) он дает нетривиальную оценку событиям и лицам того времени, рисует портреты самих корреспондентов с неофициальной стороны; 2) письма свидетельствуют об обширных и продуктивных контактах ученого, показывают, что он находился в центре ключевых событий в мире филологической науки; 3) примечателен культурно-языковой фон писем, насыщенных необычными вкраплениями и авторскими «репризами» без штампов и культурных предрассудков; 4) мы обратили внимание также на экспрессивный накал словесных характеристик некоторых посланий, вызванных нетипичными ситуациями в филологической среде 1930—1950-х годов и непоколебимыми убеждениями Б. В. Томашевского и его коллег в отстаивании подлинных приоритетов в науке; 5) привлеченные документы доказывают, что эпистолярный может быть полноценным источником для изучения летописи отечественной науки в наиболее сложные, противоречивые периоды ее развития. Они обогащают, дополняют и уточняют известные сведения, позволяют под иным углом зрения подойти к оценке хрестоматийных явлений и увидеть много нового и полемичного в скрытой от глаз цензуре, а значит, будут способствовать объективному пониманию хода развития филологии XX века.

Источники и принятые сокращения

1. ОР РГБ — *Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва). Ф. 645. (Томашевский Борис Викторович).*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борис Викторович Томашевский, 1890—1957 : к 100-летию со дня рождения / вступ. ст. Я. Л. Левкович. — Москва : Б. и., 1991. — 31 с.*

2. *Виноградов В. В. Величие и мощь русского языка : учебное пособие по русскому языку. Вып. 1 / В. В. Виноградов. — Москва : Правда, 1944. — 31 с.*

3. *Виноградов В. В. Великий русский язык / В. В. Виноградов. — Москва : Гослитиздат, 1945. — 172 с.*

4. *Из воспоминаний* Н. Малышевой, вдовы академика В. В. Виноградова [Электронный ресурс] // Публикация и вступление Б. А. Успенского // Вестник Европы. — 2010. — № 28. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/vestnik/2010/28/iz-vospominaniy-n-malyshevoj-vdovu-akademika-v-v-vinogradova.html> (дата обращения 03.04.2021).

5. *Медведева-Томашевская И. Н. Таврида : земной Элизий. Екатерина II, Пушкин, Лихачев и другие / И. Н. Медведева-Томашевская. — Санкт-Петербург : АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2020. — 608 с.*

6. *Никитин О. В. Власть ума (о Борисе Викторовиче Томашевском) / О. В. Никитин // Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение : курс лекций. — Москва : Флинта, 2019. — С. 6—12.*

7. [Пушкин А. С.] Сочинения Пушкина. Т. 9. [Кн.] II: Примечания к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам / А. С. Пушкин. — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1929. — 1046 с.
8. Робинсон М. А. Первый Международный съезд славистов в Праге: надежды, разочарования и неосуществленные проекты (по материалам переписки русских славистов) / М. А. Робинсон // Славянский мир : общность и многообразие : к 1150-летию славянской письменности : международная научная конференция : тезисы : в 2 ч. Ч. 1 (20—21 мая 2013 г.). — Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2013. — С. 80—84.
9. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — Ленинград : Гос. изд-во, 1925. — 232 с.
10. Томашевский Б. В. Краткий курс поэтики / Б. В. Томашевский. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1928. — 132 с.
11. Томашевский Б. В. О стихе : статьи / Б. В. Томашевский. — Ленинград : Прибой, 1929. — 326 с.
12. Томашевский Б. В. Пушкин. Книга первая (1813—1824) / Б. В. Томашевский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1956. — 743 с.
13. Томашевский Б. В. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837) / Б. В. Томашевский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1961. — 575 с.
14. Томашевский Б. В. [Рецензия] / Б. В. Томашевский // Вопросы языкознания. — 1957. — № 3. — С. 127—134. — Рец. на кн. : В. О. Unbegaun. Russian versification. — Oxford, 1956. — 164 с.
15. Jakobson R. Fundamentals of Language / R. Jakobson, M. Halle. — The Hague : Mouton & Co, 1956. — 88 p.
16. Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III / M. Vasmer. — Heidelberg : Karl Winter & Universitätsverlag, 1953—1958. [Bd. I. A—K. — 1953. — 712 s.; Bd. II. L—Ssuda, 1955. — 712 s.; Bd. III. Sta—ÿ. — 1958. — 697 s.].

MATERIAL RESOURCES

OR RGB — *Department of Manuscripts of the Russian State Library (Moscow). (Tomashevskiy Boris Viktorovich).* (In Russ.).

REFERENCES

- Jakobson, R., Halle, M. (1956). *Fundamentals of Language*. The Hague: Mouton & Co. 88 p.
- Levkovich, Ya. L. (ed.). (1991). *Boris Viktorovich Tomashevskiy, 1890—1957: to the 100th anniversary of the birth*. Moscow. 31 p. (In Russ.).
- Medvedeva-Tomashevskaya, I. N. (2020). *Taurida: earthly Elysium. Ekaterina I, Pushkin, Likhachev and others*. St. Petersburg: AST. 608 p. (In Russ.).
- Nikitin, O. V. (2019). The power of the mind (about Boris Viktorovich Tomashevsky). In: Tomashevsky B. V. *Stylistics and versification: a course of lectures*. Moscow: Flinta. 6—12. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1929). *Works of Pushkin. Notes on historical-literary, critical, journalistic and polemical articles and notes*. Leningrad: Publisher USSR Academy of Sciences. 9/2. 1046 p. (In Russ.).
- Robinson, M. A. (2013). The First International Congress of Slavists in Prague: Hopes, Disappointments and Unrealized Projects (Based on the Correspondence of Russian

- Slavists) In: *Slavic World: Community and Diversity*. Moscow: In-t slavyanovedeniya RAN. 1: 80—84. (In Russ.).
- Tomashevskiy, B. V. (1925). *Literature theory. Poetics*. Leningrad: Gos. izd-vo. 232 p. (In Russ.).
- Tomashevskiy, B. V. (1928). *A short course in poetics*. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. 132 p. (In Russ.).
- Tomashevskiy, B. V. (1929). *About the verse: articles*. Leningrad: Priboy. 326 p. (In Russ.).
- Tomashevskiy, B. V. (1956). *Pushkin. Book one (1813—1824)*. Moscow; Leningrad: Publisher USSR Academy of Sciences. 743 p. (In Russ.).
- Tomashevskiy, B. V. (1961). *Pushkin. Book two. Materials for the monograph (1824—1837)*. Moscow; Leningrad: Publisher USSR Academy of Sciences. 575 p. (In Russ.).
- Tomashevskiy, B. V. (1957). [Book Review: B. O. Unbegaun. Russian versification. Oxford, 1956. 164 p.]. *Voprosy Jazykoznanija*, 3: 127—134. (In Russ.).
- Uspensky, B. A. (ed.). (2010). From the memoirs of N. Malysheva, the widow of Academician V. V. Vinogradov. *Europe bulletin*, 28. Available at: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2010/28/iz-vospominanij-n-malyshevoj-vdovy-akademika-v-v-vinogradova.html> (accessed 03.04.2021). (In Russ.).
- Vasmer, M. (1953—1958). *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Karl Winter & Universitätsverlag. I—III. (In Germ.).
- Vinogradov, V. V. (1944). *The greatness and power of the Russian language: a textbook on the Russian language*. Moscow: Pravda. 31 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1945). *Great Russian language*. Moscow: Goslitizdat. 172 p. (In Russ.).